

УДК 008:[821(485):82-31]

UDC 008:[821(485):82-31]

СОВРЕМЕННЫЕ ШВЕДСКИЕ РОМАНЫ ОБ ЭПОХЕ ВИКИНГОВ КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

CONTEMPORARY SWEDISH NOVELS ABOUT THE VIKING AGE AS A SOURCE OF CULTURAL IDENTIFICATION

Н. Г. Шпаковская,
*аспирант кафедры
культурологии БГУ*

N. Shpakouskaya,
*Postgraduate Student of the Department of
Cultural Studies, Belarusian State University*

Поступила в редакцию 03.10.18.

Received on 03.10.18.

Проводится анализ ряда современных шведских романов о викингах, целевая аудитория которых дети и подростки. Представленная в произведениях интерпретация эпохи викингов рассматривается в контексте потенциала литературы как источника культурной самоидентификации юного читателя. Делается вывод о том, что современная картина прошлого отражает актуальные сегодня ценности и общественно-политические вопросы. Демонстрируется, что посредством введения современных идей в исторический сюжет создается новый миф об эпохе викингов, позволяющий читателям идентифицировать себя в культурно-историческом пространстве.

Ключевые слова: культурная самоидентификация, литература Швеции, эпоха викингов.

A number of contemporary Swedish novels about the Viking Age are analyzed. The interpretation of the Viking Age is examined in the frame of that impact that literature has on young readers' cultural identification. It is argued that the modern version of the Viking Age reflects those values and challenges that are relevant today. It is showed how a new myth about the Viking Age is created by implementation of modern ideas in the historical narrative, which helps readers to identify themselves in the cultural and historical context.

Keywords: cultural identification, Swedish literature, the Viking Age.

Введение. Будучи значимым элементом коллективной памяти шведов, образ викинга всегда, прямо или опосредованно, был связан с их культурной самоидентификацией. В силу своей богатой образности и нетривиальности древнескандинавское наследие в форме саг и мифов вдохновляло и продолжает вдохновлять литераторов и художников, историков и политиков. Каждое столетие вносило коррективы в восприятие образа викинга. Если в XVII в. викинги были подходящим звеном между набирающей мощь Шведской империей и ее доблестным прошлым, в эпоху Просвещения раскрылся потенциал викингов как мудрых правителей, в XIX в. был создан романтический образ вольнолюбивого викинга-завоевателя, в первой половине XX в. символику викингов «окупили» нацисты, что привело к стигматизации образа. В послевоенное время викинги превращаются в миролюбивых крестьян, вынужденных отправляться в мор-

ские походы, чтобы прокормить семью. В 2000-х литература и кинематограф возвращают викингов из ссылки. На то, что тема становится снова актуальной, указывает, в частности, интерес к ней со стороны СМИ. Если создать поиск по слову «викинги» в электронной базе газет Национальной библиотеки Швеции, будет заметна четкая тенденция: около 175 совпадений в 1910 г., около 100 упоминаний ежегодно в 1940-е гг., около 680 совпадений в 1960 г., 830 совпадений в 1981 г., примерно 800 совпадений в 1992 г., затем 300–500 упоминаний ежегодно до 2012 г., 918 в 2013 г., 3561 совпадение в 2014 г., 2588 совпадений в 2015 г. и рекордные цифры в 6322 и 6417 совпадений в соответственно 2016 и 2017 г., за период с января по август 2018 г. найдено 3994 совпадения.

Пик интереса к викингам со стороны литераторов пришелся тоже на 2016–2017 гг.: в 2016 г. авторитетный шведский исследователь Ларс Лённрот представил новый пере-

вод сборника древнескандинавских мифов «Младшая Эдда», художник Юхан Егеркранс выпустил книгу иллюстраций «Северные боги», писательница Элизабет Ёстнес издала трилогию для юного читателя «Сага о Турид», английская писательница Франческа Симонс завершила работу над романом о древнескандинавской богине Хель «Ребенок-монстр», ее коллега Джоанн Харрис издала книгу «Евангелие от Локи», американский писатель-фантаст Рик Риордан опубликовал роман «Молот Тора». В 2017 г. вышла первая часть графического романа Сары Бергмарк Эльфгрэн и Карла Юнссона «Вей», детский писатель Мартин Видмарк издал серию рассказов «Хальвдан-викинг», английский писатель Нейл Гейман предложил свою версию эддических сказаний в книге «Северные мифы» – и это только самые громкие релизы.

В исследовательских кругах сегодня доминирует тенденция разрушить миф о викингх, созданный национал-романтиками в XIX в. Деконструкция классического образа голубоглазого и светловолосого викинга-сверхчеловека сопровождается смещением фокуса с викинга-мореплавателя на женщину эпохи викингов и взаимоотношения древних скандинавов с представителями других культур (торговцами, рабами, проповедниками). Однако информации о позднем германском железном веке, впоследствии названном романтиками эпохой викингов, настолько мало, что разрушение одного мифа априори предполагает создание другого.

Историк религий Катарина Раудвере рассматривает миф как тип метаповествования, которым люди всегда себя окружают, чтобы определить свою идентичность и свое место в истории [1, с. 12]. Норвежский социолог Томас Хилланд Эриксен предлагает структуру «история – миф – идентичность» в рамках которой история опосредованно влияет на коллективную идентичность, а миф создает своего рода моральную базу, легитимирует современное распределение власти в обществе и связывает индивида с коллективом, создавая исторический контекст [2, с. 12].

В создании мифа, позволяющего обществу идентифицировать себя с конкретной эпохой, участвуют и археологи, и историки, и литераторы, и политики. Первые и вторые дают толкования найденным артефактам,

часто исходя из актуальных им представлений о мире. Лисе Норденборг Мире отмечает, что значение материальных следов – это всегда конструкции, которые базируются на актуальных научно-теоретических принципах и либо принимаются, либо признаются неверными в рамках существующей структуры [1, с. 71].

Третьи прибегают к культурному релятивизму, чтобы в исторических декорациях поднять актуальные для современного общества проблемы. Четвертые используют идеологический потенциал истории. Например, символы древнескандинавской мифологии активно эксплуатируются радикальными правосторонними группировками, что стало стимулом для разрушения в научных кругах представлений о древнескандинавской мифологии как о системе верований, единых для всей Скандинавии. В частности, на наличие большой вариативности культов обращает внимание археолог Фредрик Сванберг, который приходит к выводу, что гомогенной скандинавской культуры эпохи викингов не существовало [3, с. 132]. Подобное заключение делают также участники исследовательского проекта под названием «Дороги к Мидгарду. Нордическое язычество в долгосрочной перспективе», реализованного в 2001–2003 гг. на базе университета г. Лунд. Согласно руководителю этого исследования Андерсу Андрену, описанная в XIII в. исландским политиком и скальдом Снорри Стурлусоном дохристианская вера была распространена только в кругах аристократии и насчитывала не так уж и много последователей [4].

Образ викинга был стереотипизирован и стигматизирован, не удивительно, что сегодня большинство шведов считают, что викинги не имеют никакого отношения к их культурной идентичности, представляя собой коммерциализированный Голливудом и радикализированный неонацистами фрагмент истории их страны. Однако такое представление не отрицает того факта, что эпоха викингов по-прежнему является компонентом культурной самоидентификации шведов, яркой формой, которая может быть наполнена противоречивым содержанием.

Процесс развития образа викинга как культурного архетипа не остановился, о чем свидетельствует повышенный интерес к нему со стороны писателей и режиссеров.

Как пишет Лена Карерунд в своем исследовании «Встреча с детской книгой», вопрос заключается в том, какое представление о викингах создается сегодня для следующего поколения [5, с. 106].

Цель статьи: охарактеризовать интерпретацию эпохи викингов в современных шведских книгах для юного читателя.

Основная часть. Художественная литература – это тот медиум, который ретранслирует актуальные идеи широкой аудитории. В Швеции исторические романы часто стоят в списке дополнительной литературы по истории в школе. В связи с этим Джон Стефенс полагает, что исторические произведения для детей и подростков имеют идеологическое содержание, которое определяется культурным контекстом, и тем самым выполняют одновременно моральную и дидактическую функции [6, с. 80].

Стефенс поднимает вопрос культурного релятивизма в исторических книгах. Согласно исследователю, в историческом рассказе проблематично отобразить, как люди могли думать и чувствовать. Это будет всегда анахронизм, потому что мы не можем знать, как мальчик из каменного века думал или как девочка из эпохи викингов чувствовала. Люди могут изображаться как похожие на современников автора, либо же писатель может подчеркивать разницу.

Оса Варнквист, исследуя развитие исторических романов в 2000-х гг., замечает, что этот жанр соединяется с другими жанрами, в первую очередь, с фантастикой и историческим фэнтези. Изменения в жанровой системе, в форме и содержании свидетельствуют, по мнению Варнквист, что взгляд на историю и на способ отношения к истории тоже изменился. Согласно исследователю, уменьшение количества исторических романов в 1990-х гг. было связано с возросшим интересом к другим культурам в наше время, многие подростки начали искать свою идентичность в будущем, а не прошлом. В связи с этим исторический роман зачастую превращается в фэнтези с вкраплением истории или романы о будущем в форме дистопий, в которых наше расточительство ресурсов приводит нас к образу жизни, подобному тому, как жили наши предки. В таких произведениях будущее связывается с прошлым посредством тех актуальных вопросов, что поднимаются в книге [6, с. 91]. Очевидно, что

исторические книги для молодежи соответствуют тенденциям своего времени и поднимают актуальные политические вопросы посредством создания временной дистанции к тому, что, возможно, слишком болезненно, чтобы быть вынесенным на страницы произведений без предварительной метафоризации или аллегоризации.

Лена Карерунд, автор исследования «Встреча с детской книгой», посвященного отражению в литературе 1980-х гг. проблем, которые могут появиться при встрече разных культур, приходит к выводу, что исторический рассказ может бросить свет на наше время и помочь молодым людям увидеть свою роль в историческом контексте [5, с. 106].

Посредством детских книг маленький читатель знакомится с новым ему миром, в том числе миром викингов, и интерпретирует его, опираясь на заданные в книге предпосылки. В качестве материала для анализа в рамках этой статьи взята трилогия Майи Билок, состоящая из книг «Драккар», «Золотой меч» и «Замок вдали». Эти романы были рекомендованы шведским школьникам в качестве дополнительного чтения в рамках уроков по истории. В центре серии находится судьба девочки по имени Петит. Она родилась в семье французского аристократа и с детства отличалась от своих сверстников пытливым умом и стремлением овладеть не только женскими ремеслами, но и традиционно мужскими занятиями (научиться читать и овладеть искусством боя). Петит похищают викинги. Во время морского путешествия они хотят принести ее в жертву своим богам, но один из них заступается за нее. Петит продают в рабство, и она оказывается среди обездоленных и обезличенных тружеников, чья жизнь менее ценна, чем жизнь домашних животных. Героине удается сбежать и сначала стать частью крестьянской семьи викингов, а потом и женой аристократа.

Книги Майи Билок вышли впервые в 1997–1998 гг., но они были переизданы в 2016 г., что говорит о их востребованности. Как пишет лектор шведского языка и литературы Мари Ингеманссон, исторический роман может помочь преподавателю и его ученикам обсудить последствия миграции для разных людей и социальных групп. «Книга «Драккар» позволяет идентифицировать себя с персонажами романа, не зависимо от

того, рожден ли читатель в Швеции, переехал он в Швецию или только что прибыл сюда со своей семьей» [7, с. 123].

Сама Майя Билок считает, что «художественная литература очень эффективна, когда нужно поднять вечные проблемы. Посредством чтения о миграции в книге «Дракар» и сравнения с нашими днями читатель может узнать о разных культурах и провести аналогию с сегодняшней миграцией» [7, с. 124].

Петит оказывается в незнакомой стране, где все говорят на непонятном ей языке. Сбежав от рабства, она остается совершенно одна в глухом лесу, где ее находит бездетная крестьянка. Женщина приносит девочку к себе домой, и Петит обретает новый дом и новых родителей.

Главная героиня трилогии настолько похожа на типичных скандинавов, что ее приемные родители опасаются, не является ли она ребенком черных альвов. Дети в деревне дразнят получившую имя Оса Петит, называя ее троллем. Девочка терпеливо выносит все издевательства сверстников. Далее события развиваются по сказочному сюжету: в деревню приезжает сын местного аристократа, который решает сделать Осу своей женой. Уже будучи невестой, повзрослевшая Петит случайно видит себя в зеркале и понимает, что она очень похожа на свою мать – одну из самых красивых женщин Франции. Таким образом, Майя Билок показывает, что в разных культурах может быть разное отношение к тому, что красиво, а что безобразно, что соответствует норме, а что нарушает каноны.

Двойная идентичность Петит-Осы включает в себя также двойной багаж знаний и навыков. Так, она может не только читать руны, но и владеет латинским алфавитом, что, например, помогло ей расшифровать магическую надпись на привезенном викингами из Франции мече. Прочитав загадочный для скандинавов текст, Оса спасла жизнь своему будущему мужу и помогла не впасть в немилость своему приемному отцу.

Волшебный меч был заговорен на то, чтобы не помогать своему обладателю, если тот атакует первым. Однако даже такое проклятие не в силах помешать викингу: узнав смысл надписи, будущий муж Осы говорит, что в одной руке у него будет меч для защиты, а в другой для нападения. Такая позиция

не находит одобрения у главной героини, но автор оставляет этот вопрос открытым, давая читателю возможность самостоятельно сделать выводы и оценить нравы древнескандинавского общества.

Став женой, Оса получает ключи от дома и всех хозяйственных помещений, что делает ее хозяйкой. В отсутствие мужа Оса перестраивает сарай для рабов, делая его более пригодным для проживания. Вернувшийся викинг воспринимает это как женскую прихоть, но не спорит с хозяйкой. Положение женщины, отраженное в книгах Майи Билок, совпадает, в большинстве своем, с доминирующей в 1970-е гг. точкой зрения, согласно которой женщина в эпоху викингов, в первую очередь, была хранительницей домашнего очага. В то же время Билок расширяет видение роли женщины в эпоху викингов, отправляя Осу в путешествие на корабле во Францию. Это путешествие стало одним из трех желаний, которые будущий муж Осы пообещал исполнить, если Оса станет его женой. Здесь чувствуются отголоски сказочной парадигмы, в которой принцесса дает претендентам на ее руку и сердце различные задания. С другой стороны, такая картина реальности позволяет предположить, что оружием женщины в древней Скандинавии была мудрость и смелость.

Петит-Оса пытается найти себя в новой культуре. Ее поиск принимает форму борьбы с ее страхами. Чтобы однажды перестать видеть угрозу в море и незнакомцах, ей придется столкнуться со своим худшим кошмаром лицом к лицу. Она находит викинга, привезшего ее из Франции, и разрешает ему жить в ее доме в обмен на то, что он покажет ей дорогу обратно домой. Оса возвращается к своей семье, будучи женой викинга, и понимает, что ее дом больше не во Франции. Такое возвращение к своим корням было нужно героине, чтобы осознать, кто она сейчас – Петит или Оса, – чтобы принять новую культуру и добровольно избрать свой путь, прервав таким образом свое вынужденное пребывание в чужой стране. Оса отправляется обратно в Скандинавию, но ей больше не нужно держать в секрете, кто она.

Таким образом, Майя Билок предлагает довольно утопическую трактовку судьбы похищенной викингами девушки, которая проходит дорогу от аристократки до рабыни и обратно к аристократке. Тяжелая жизнь не

сделала Осу обозленной и мстительной. Первое, что она делает в качестве хозяйки, – создает лучшие условия для жизни рабов. Она прощает похитившего ее викинга и разрешает ему остаться у нее в качестве слуги. Очевидно, что Майя Билек высказывает мысль о том, что только прощение и принятие своей судьбы может привести к благополучию. Месть и гнев не помогут построить новую жизнь. Оса получает вознаграждение за свое терпение и желание узнать новую культуру. Постепенно она раскрывает свой внутренний потенциал и превращает свою множественную идентичность из тяжелой ноши в преимущество.

В данном исследовании рассматривается также графический роман Сары Бергмарк Эльфгрэн и Карла Юнссона «Вей» [8], который представляет собой симбиоз литературного и художественного творчества. Иллюстративная база источника позволяет наглядно увидеть сегодняшнего викинга и сравнить его с образами, созданными живописцами и декораторами в XVIII–XX вв.

«Вей» – это история, предлагающая альтернативную трактовку древнескандинавской мифологии. В центре произведения стоит сильная женщина, в руках которой оказывается судьба ее народа.

Вей происходит из племени, поклоняющегося великанам. Ее подбирают викинги в открытом море, но позже они хотят принести спасенную ими девушку в жертву, потому что она чужестранка, не почитающая их богов-асов. В дальнейшем оказывается, что Вей была избрана богами-великанами в качестве солдата, чтобы сражаться наедине с воинами богов-асов. Вей становится единственным бойцом, что одерживает победу над противниками со стороны асов.

В графическом романе происходит деконструкция образа верховного бога древнескандинавского пантеона Одина и его валькирий (сущест, забирающих погибших воинов с поля боя в Вальхаллу). Один предстает узурпатором трона, чья жажда единоличной власти стала причиной кровавой войны между асами и великанами. Согласно древнескандинавской мифологии, великаны были отрицательными персонажами и представляли собой внешнюю угрозу, неуправляемую природную стихию, асы же воспринимались как культурное, цивилизованное начало и защитники мира людей, Один был богом муд-

рости и войны, познавшим тайны рунописи и магии. Однако графический роман «Вей» предлагает новую трактовку вражды между двумя сверхъестественными племенами: причиной раздора становится желание Одина покорить все существующие миры и утвердиться в качестве главенствующего бога. Рассказывается, что изначально люди почитали разные группы богов, в том числе великанов, однако властолюбивый Один заставил людей поклоняться только асам – тем богам, что присягнули Одину на верность. Великаны же, до этого воевавшие вместе с Одином против зла, не желали подчиниться и признать верховенство Одина. Такая альтернативная трактовка мифологии позволяет сделать вывод, что авторы произведения вводят идею возможного гармоничного сосуществования различных религий и видят причину вражды между кланами богов и их приспешников (межрелигиозной розни) в жажде власти одного из представителей религии.

Один показан равнодушным и бессердечным к людям – его почитателям. Он приказывает валькирии убить обратившегося к нему за помощью короля викингов, что становится причиной духовного кризиса одного из его воинов, спасшего главную героиню Вей. Этот воин посвящал каждый свой бой Одину, будучи беззаветно верным своему богу. Однако встретившись с ним, он возненавидел того, кому поклонялся.

Графический роман ставит в центр повествования избранную богами женщину-воительницу, в руках которой оказывается судьба самих богов. Вей побеждает своих противников хитростью. Правда, мудрость исходит от бога лукавства Локе, который дает Вей советы. Весьма интересна трактовка образа Локе художником Карлом Юнссоном. В мифологии это бог-трикстер, бог-великан, с которым побратался Один. Локе постоянно создает богам проблемы, правда, потом сам же их и разрешает. Согласно одному из мифов, Локе, решая одну из таких проблем, превратился в лошадь и стал матерью восьминогого коня Одина. В графическом романе Локе показан одновременно и мужчиной, и женщиной. Таким образом, в современной интерпретации ему приписывается способность менять пол (или быть представителем третьего пола). Интересно также, что Локе, хоть и изображен рыжево-

лосым, а не блондином, но не выглядит чужеземцем. В интерпретации художников-романтиков (в частности, Августа Мальстрёма, иллюстрировавшего «Сагу о Фрильофе» Эсайаса Тегнера) Локе был коварным чужеземцем, так как отрицательный персонаж не сочетался с пафосным образом доблестного викинга.

Интересно также, что предводителем великанов в борьбе с асами становится их королева (а не король). В древнескандинавской мифологии великаны всегда связывались с силами природы, они участвовали в сотворении мира и были носителями архаичного знания. Сам Один почерпнул мудрость от великана Мимера. В графическом романе великаны изображены как соединение людей и животных: у них есть хвосты и рога. В определенном смысле в этом произведении обозначена идея предшествования матриархата патриархату.

Сильной трансформации подверглись классические образы богов любви и плодородия Фрейя и Фрейи, которые представлены в романе страдающими от дурных привычек и ожирения. Образ валькирии деформирован до неузнаваемости: из прекрасной девы, сопровождающей воинов в Вальхаллу, она превращается в уродливое мужеподобное создание, наслаждающееся убийством. Утрачивает героический пафос и невероятных размеров Тор.

Таким образом, Карл Юнссон прибегает к гротеску и иронии, чтобы разрушить созданный романтиками стереотип о викингах и их божествах, подобных безупречным ан-

тичным статуям, облаченным в таинственный ореол северной символики.

Заключение. Современная интерпретация эпохи викингов в шведской литературе для юного читателя предлагает ту версию исторического прошлого, в котором атипичность была синонимична избранности, а за страданиями всегда следовало воздаяние. В этом прошлом женщины не уступали мужчинам по своей внутренней силе, а представители различных культур могли мирно жить в гармонии, если только их лидерами не овладевала жажда власти.

Юный читатель может идентифицировать себя и с взрослеющей Осой, и с принимающей свою судьбу Вей. Обеих героинь в определенный момент их жизни можно охарактеризовать как социальных изгоев, чужаков, не вписывающихся в принципы окружающего их мира. Однако постепенно персонажи раскрывают свой внутренний потенциал и превращают свое иностранное происхождение из тяжелой ноши в преимущество, которым они могут гордиться.

Посредством гротескных художественных интерпретаций древнескандинавских богов авторам графического романа «Вей» удается деконструировать стереотипный образ рослого голубоглазого блондина-викинга, созданный в эпоху национал-романтизма. Проанализированные книги внедряют идею о многокультурности древнескандинавского общества, делая его тем самым, своего рода, предтечи современной системы ценностей шведского социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Raudvere, C. Myter om det nordiska: mellan romantik och politik / C. Raudvere, A. Andrén / Lund : Nordic Academic Press, 2001. – 189 s.
2. Eriksen, Th. Historia, myt och identitet / Th. Eriksen / Stockholm : Bonnier Alba, 1996. – 123 s.
3. Raudvere, C. More than Mythology. Narratives, Ritual Practices and Regional Distribution in pre-Christian Scandinavian Religions / C. Raudvere, J. P. Schjødt / Lund : Nordic Academic Press, 2012. – 288 p.
4. Söderholm, C. På jakt efter Nordens hedendom / C. Söderholm // Populär historia [Electronic resource]. – 2001. – № 5. – Mode of access: <https://populärhistoria.se/vetenskap/arkeologi/pa-jakt-efter-nordens-hedendom>. Date of access: 16.09.2018.

REFERENCES

1. Raudvere, C. Myter om det nordiska: mellan romantik och politik / C. Raudvere, A. Andrén / Lund : Nordic Academic Press, 2001. – 189 s.
2. Eriksen, Th. Historia, myt och identitet / Th. Eriksen / Stockholm : Bonnier Alba, 1996. – 123 s.
3. Raudvere, C. More than Mythology. Narratives, Ritual Practices and Regional Distribution in pre-Christian Scandinavian Religions / C. Raudvere, J. P. Schjødt / Lund : Nordic Academic Press, 2012. – 288 p.
4. Söderholm, C. På jakt efter Nordens hedendom / C. Söderholm // Populär historia [Electronic resource]. – 2001. – № 5. – Mode of access: <https://populärhistoria.se/vetenskap/arkeologi/pa-jakt-efter-nordens-hedendom>. Date of access: 16.09.2018.

5. *Kåreland, L.* Möte med barnboken: linjer och utveckling i svensk barn- och ungdomslitteratur / L. Kåreland / Stockholm : Natur och kultur, 2006. – 160 s.
6. *Warnqvist, Å.* Samtida svensk ungdomslitteratur: analyser / Å. Warnqvist / Lund : Studentlitteratur, 2017. – 240 s.
7. *Bylock, M.* Drakskeppet / M. Bylock / Stockholm : En bok för alla, 2016. – 126 s.
8. *Elfgren, S. B.* Vei / S. B. Elfgren, K. Johnsson / Stockholm : Kartago, 2017. – 160 s.
5. *Kåreland, L.* Möte med barnboken: linjer och utveckling i svensk barn- och ungdomslitteratur / L. Kåreland / Stockholm : Natur och kultur, 2006. – 160 s.
6. *Warnqvist, Å.* Samtida svensk ungdomslitteratur: analyser / Å. Warnqvist / Lund : Studentlitteratur, 2017. – 240 s.
7. *Bylock, M.* Drakskeppet / M. Bylock / Stockholm : En bok för alla, 2016. – 126 s.
8. *Elfgren, S. B.* Vei / S. B. Elfgren, K. Johnsson / Stockholm : Kartago, 2017. – 160 s.

ДЕПОЗИТОРНИЙ БІБЛІОТЕКА